
Заклинатель людей
Роман Форестер

Роман Форестер

Заклинатель людей

«Автор»
2026

Форестер Р.

Заклинатель людей / Р. Форестер — «Автор», 2026

Сэр Лэнгрен – желчный и зловредный старикашка, с рождения обделённый магическим даром. Жаждая отомстить жизни за её несправедливость, он находит иной путь к господству над людьми – через их тайные страхи и желания. С годами его влияние растёт, а союзники становятся всё могущественнее.Однажды самый зловещий из них предлагает старику невиданную власть – над мыслями и чувствами людей. Но для этого заговорщикам предстоит укротить колдовскую аномалию, скрытую в недрах Академии Волшебства. И тут Лэнгрену не обойтись без помощи единственного внука – Арни.Арни – добрый и наивный мечтатель. Хочет посвятить жизнь служению людям. Поступив в Академию Волшебства, он сталкивается с суровой действительностью. Впереди его ждут испытания, которые заставят усомниться в самых незыблемых убеждениях. Каждая встреча изменит юношу, заставит его отвечать за свою жизнь, и то, кем он станет в итоге, зависит лишь от него самого.

© Форестер Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сэр Лэнгрен 6
Глава 2. Таинственная незнакомка 14
Глава 3. Последний экзамен 18
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Роман Форестер
Заклинатель людей

Глава 1. Сэр Лэнгрен

Настенные часы мерно выстукивали полночь, заглушая негромкое ворчание сэра Лэнгрена, старика за семьдесят с редкими седыми волосами, слегка сгорбленного и одетого в старенький домашний халат. Он в очередной раз возился со злополучным ключом, силясь отворить зловредный замок новенькой шкатулки.

– Чтобы я ещё хоть раз поверил этому олуху Миттану, – причитал сэр Лэнгрен, предпринимая очередную тщетную попытку вставить ключ в неподатливую замочную скважину. – Клялся ведь, божился, не иметь дел с этими колдунами, да вот бес попутал. Доверился этому молокососу Арни и вот нате вам. И ведь тысячу раз зарекался не приносить в дом чародейские побрякушки. – Всё будет хорошо, дедушка, – говорил он! – Ты без труда освоишь её и без магии, поверь мне. – Поверил… поверил на свою голову! – вскричал он в ярости и швырнул медный ключ на свой потёртый дубовый рабочий стол.

Ключ жалобно звякнул, отскочил от поверхности стола и затерялся в тёмном углу возле зашторенного окна.

– Проклятье… а, хотя… туда ему и дорога, каналье этакой!

Сэр Лэнгрен махнул рукой и уселся в поскрипывающее кожаное кресло неподалёку. Затем протянул руку к книжной полке, вытащил толстенную пачку бумаг, перевязанную тонкой хлопковой верёвкой, и начал просматривать записи на корешках.

– Гленцер… нет, Абрива, не тот, Бривантин… пройдоха редкостный, но сегодня не до него. Ага, Винтьер, ты-то мне и нужен. Ну-ка, посмотрим, что тут у нас.

Сэр Лэнгрен бегло просмотрел досье Винтьера. Взгляд блуждал по листу так, словно старик знал содержимое наизусть и читал больше по привычке, чем для дела.

– Вертлявый ты персонаж, Винтьер, – желчно хихикнул сэр Лэнгрен. – Ни семьи, ни друзей. Непросто подкопаться, ой непросто. Ну да не обольщайся, плут. У всякой крепости есть слабое место и у твоей найдётся. Завтра же пошлю мальчишку под его окна, авось, что-нибудь да высмотрит. Старый хмырь даже прислуги не держит, ни постоянной, ни приходящей, но ничего… однажды он оступится. И тогда, тогда я окажусь рядом, – сэр Лэнгрен плотоядно оскалился и вернул записи в пачку.

Их место тут же заняли бумаги с подноготной семьи Мэрлей. Пять листков, исписанных мелким витиеватым почерком. Взгляд старика потеплел. Он всегда радовался, когда в его руки попадало такое тщательно собранное досье. Некоторые сведения он собирал годами, другие доставались ему за день. Какие-то были невинными и не могли сколь-либо навредить своим владельцам. Другие, напротив – их обнародование грозило несчастным медленной и мучительной смертью. Сэр Лэнгрен хорошо знал цену всякому добытому сведению в его картотеке и сам нередко с лёгким сердцем расставался с крупными суммами, ради особо подленькой вести о своих «подопечных». Не жалел он и о налаженных за десятилетия связях.

Многие сотрудничали с сэром Лэнгреном лишь потому, что слишком уж много он о них знал. Каждая стоящая весть ещё больше обогащала его коллекцию. Чего только не просил сэр Лэнгрен за своё молчание, каких только ужасов не приходилось терпеть его агентам в погоне за компроматами по прихоти вредного старика. Деньги сэр Лэнгрен требовал редко, разве что у самых раздувшихся пиявок, как он их сам именовал. Да и то, лишь для того, чтобы пополнить свою казну ради грядущих сборов особо щекотливых сведений.

Тем и жил сэр Лэнгрен всю свою долгую и сознательную жизнь. Он давно познал истинную силу знаний, тех самых, что всякий разумный человек зарывает в самую глубокую яму на самом дальнем дворе самого дальнего из своих, а может, и чужих домов. Старик на этом деле собаку съел и не собирался бросать его до самой смерти. Он и сам прекрасно понимал –

костлявая отнюдь не за горами. Но сэр Лэнгрен знал, у мира есть ещё, что забрать, то, с чем он ни за что не расстался бы добровольно. Ниточки, ведущие к чадам жертв. Именно за них так любил подёргивать старик, можно сказать, только ради этого до сих пор бродил по земле.

Но был он не совсем одинок. Глупостей, а сэр Лэнгрен всегда полагал это глупостями, за жизнь он понаделал довольно. И женился, и даже вырастил сына, хоть и никогда не понимал – зачем. Чего он ни пытался бы этим добиться, все его усилия оказались напрасными. Та пустота, которую он так тщился заполнить, съедала его изнутри и по сей день.

Сэр Лэнгрен и сам не заметил, как задремал. Он часто проводил ночи в кресле и даже был к нему по-своему привязан. Все прочие предметы, равно как и люди вокруг, не вызывали у старика ничего, кроме раздражения. Ни знакомые, ни родственники никогда не пользовались даже толикой его расположения, а друзья и приятели исчезли из жизни ещё десятилетия назад. Редко кто вспоминал о нём, кроме его осведомителей и сердобольного внука, искренне любившего дедушку.

Сэр Лэнгрен нередко просыпался среди ночи, особенно когда порывы шального ветра заставляли оконные ставни громко насвистывать разнообразные незамысловатые мелодии. В такие мгновения старик одаривал мир парочкой особо изящных ругательств, кутался в плед и вновь уносился в грёзы. Да, нечасто сны баловали старика своим появлением. А те, которые всё же удостаивали чести, уходили так быстро, словно за ними гнались все колдовские твари вселенной.

Проснулся сэр Лэнгрен, как всегда, ещё прежде, чем солнце выглянуло из-за горизонта. Потянулся до хруста в суставах, откинул плед и нехотя поднялся с кресла. По утрам старик был извечно хмур, словно и не радовался тому, что глаза вновь открылись. Нет, он не жаждал смерти, но и не страшился её. Будь он хоть иногда честен с собой, непременно осознал бы, сколь опостылела ему жизнь. Зачем тогда он держался за неё, или по меньшей мере не отвергал? А причина та же, что толкала сэра Лэнгрена на сбор сведений – привычка. Та самая привычка, что порой приходит, когда любовь к жизни покидает тело и душу. Каждого человека эта участь настигает в свой час. Кого-то в глубокой старости, а кого-то ещё задолго до того, как он успевает расправить крылья и покинуть отчее гнездо.

Сэр Лэнгрен принадлежал к последним. Ещё в отрочестве он познал пустоту, ибо был обделён тем, что другим детям достаётся по праву рождения и остаётся с ними на всю жизнь – магическим даром. Старик с отвращением уставился в зеркало. На него глядело изможднённое морщинистое лицо с узкими глазами, острым носом, тонкими губами и крупной бородавкой на левой щеке.

Он постоял немного, затем махнул рукой, тем самым как бы сказав, что зрелище не стоит внимания, умылся ледяной водой из-под проржавевшего крана и медленно зашагал к гардеробной.

Немного порывшись в полупустом шкафу, он вытащил потёртый коричневый плащ с меховой оторочкой, стряхнул с него несуществующую пыль и накинул на плечи.

Вьюга, свирепствовавшая чуть ли не с дюжину дней, наконец оставила улицы славного города Ганзалея и теперь жители могли смело высунуть нос из дому. Оттепель оказалась сэру Лэнгрену на руку. Теперь он мог смело шагать по тротуарам города, не боясь поскользнуться. Несмотря на то, что старик не так уж хорошо держался на ногах, он никогда не признавал ни помощи от других, ни трости. Пусть медленно, пусть неуверенно, но до цели он всегда добирался сам.

Уже на пороге дома сэр Лэнгрен нос к носу столкнулся с единственным человеком, который не питал к нему отвращения, ни явного, ни скрытого – со своим внуком, Арни.

Арни был молодым беззаботным мечтательным парнем семнадцати лет. Белобрысым вечно-улыбающимся сорванцом с непослушными торчащими волосами, одетым в простую одежду, наивными глазами, пухлыми губами, острым носом.

– Дедушка, куда же вы так рано, да ещё и в одиночестве?! Пойдёмте, я вас провожу, всё равно утро выдалось свободным, – затараторил Арни.

– Ох, принесла ж нелёгкая, – проворчал сэр Лэнгрен. – Сам-то чего по улицам в такую рань шляешься, прохиндей?

– Так ведь вас же хотел проведать, дедушка. Да и матушка велела письма на почту отнести.

– Какие ещё, к дьяволу, письма?! Кому ей писать, коли все дружки сгинули в Плетении?

– Вы только матушке о том лишний раз не напоминайте, – на миг погрустнел Арни, но тут же весело добавил. – А письма в столицу к наместнику. Сами же знаете, брат по-прежнему в застенке. Улик на него с гулькин нос, но тамошние крепко вцепились.

– И поделом! Нечего шляться по всяким злачным закоулкам. Сидел бы осёл в своей норе тихо, не повязали бы.

– Так ведь Коснар за тем в столицу и поехал вкусить истинной жизни, – робко возразил Арни.

– Вот ведь олухи! – вознегодовал сэр Лэнгрен. – Всё-то им жизни подавай!

Дед с внуком уже шагали по улице.

– У самого небось в голове ничего кроме грёз о великих свершениях-то и нет, – презрительно добавил старик.

– О великих свершениях говорить рано, поступить бы сперва в Академию Волшебства, – задумчиво ответил Арни.

Сэр Лэнгрен даже остановился от изумления, которое тут же сменилось негодованием.

– Ты чего?! – вскричал он на всю округу. – Последние мозги растерял?!

– Тише, дедушка, тише, – смиренно забормотал Арни.

– Узнаю, что ты якшаешься с этими проходимцами из Академии, на порог не пущу, так и знай! – пригрозил сэр Лэнгрен.

– Отчего, отчего вы так ненавидите чародеев? – в очередной раз удивился Арни.

– Эти спесивые выродки полагают себя выше закона. Вдобавок, мастера сочинять детские сказки. Это ведь их, их опыты привели к появлению Плетения! А они, шельмецы этакие, отпираются… мы, мол, лишь невольно призвали его из отголосков иных вселенных… Ну и вздор! Только и горазды, что оправдывать свои же грешки всякими несуразицами, – старик устало махнул рукой, тем самым как бы завершая этот неприятный для него разговор.

Больше они до конца пути не заговаривали. Сэр Лэнгрен что-то ворчал себе под нос, а Арни обдумывал его слова о чародеях. Конечно, парень уже не раз выслушивал брюзжание деда, но сегодня… сегодня его брань как-то особенно запала в душу, заставила ещё раз всё осмыслить.

Наконец сэр Лэнгрен добрался до цели своего путешествия. Перед ним предстал невзрачный двухэтажный дом. На первом этаже размещался трактир, на втором – кладовая, а в подвале… об этом знали лишь десятки жителей Ганзалея. Отвязавшись от докучливого внучка, старик твёрдою походкой вошёл внутрь.

Там царил дымный полумрак. Тусклые светильники лениво освещали помещение. Свет словно волнами расползался по всему залу. Лишь по углам властвовала тьма. Мебель в заведении свидетельствовала о вечности. Одна отрада, повсюду были развешены картины некогда известных художников. Их приобрел ещё в давние времена то ли дед, то ли прадед хозяина сего достойного по тогдашним меркам заведения. Притом приобрёл за сущий бесценок, можно сказать даром.

Обслуга трактира хорошо знала сэра Лэнгрена в лицо и один из служащих немедленно подскочил к почётному гостю.

– Чем могу быть полезен, сэр? – любезно осведомился слуга.

– Доложи о моём прибытии кому следует и скажи, что я жду наверху, – велел сэр Лэнгрен, скинув плащ слуге на руки.

Тот ловко подхватил одеяние старика и кивнул. Сэр Лэнгрен меж тем сел за двухместный столик в самом углу. Взор его упал на живописное батальное полотно во всю стену. Сколько он ни приходил сюда, никогда не мог постичь, что хозяин находит в этой мазне. Вдобавок, она уж точно не подходила сему заведению по духу.

Пока сэр Лэнгрен в очередной раз рассматривал картину, силясь разглядеть то, чего не замечал раньше, к нему подошёл щеголевато одетый господин в летах с лёгкой проседью и лицом обходительного плута, известный как сэр Уилтон. Он был несколько моложе сэра Лэнгрена, а внешне вполне мог сойти за его сына или младшего брата.

– Ты вовремя. Есть разговор, – бросил сэр Лэнгрен и указал рукой на стул напротив.

– В том нисколечко не сомневаюсь, но почему здесь? – хитро улыбнулся собеседник, садясь за стол.

– Здесь шумно, праздно и пьяно. Сквозь такое марево ни одни чужие уши нас точно не услышат. Не хочу, чтоб наши знали о том, о чём мы говорим, Фрэнк.

Сэр Уилтон удивлённо посмотрел на своего старого знакомца.

– Неужели это нечто до того тайное, что и наши могут не понять?

– Достаточное, уж поверь. Что ты знаешь о главе Академии?

– Верховном чародее Гектусе? – брови сэра Уилтона поползли вверх. – Немного. Но с чего вдруг вы вспомнили о нём? Сколько вас знаю, вы всегда держались на расстоянии пушечного выстрела от всего, что связано с магией.

– Разузнай побольше, – велел сэр Лэнгрен, пропустив замечание собеседника мимо ушей. – Ходят слухи, его очень волнуют исследования Плетения. Бьюсь об заклад, есть в этих волнениях и своекорыстный интерес. Я хочу знать, в чём он заключается и что может получить от Плетения обычный человек.

– Обычный человек?.. Сэр Лэнгрен вы же не думаете…

– Что я думаю, сейчас не имеет значения! – отрезал сэр Лэнгрен. – Просто сделай, как я велю, за ценой не постою. Подними всех своих связных, если нужно, но раздобудь мне то, о чём я прошу.

– Всех… – задумался сэр Уилтон. – Коли поднять всех, то, может, и появится надежда на успех, или на его подобие. Но сами понимаете, расходы тут явно не на пару крон.

– Я уже сказал, что… – начал было сэр Лэнгрен, но собеседник вежливо перебил его.

– Я понимаю, сэр, но считаю своим долгом донести до вас, что цена услуги будет не меньше четырёх-пяти сотен. Вы готовы пойти на это? – сэр Уилтон потупил глаза.

– Только если сведения того стоят, – чуть подумав, ответил сэр Лэнгрен.

– Ничего не обещаю, но сделаю всё, что в моих силах, вы же знаете.

– Знаю, потому и обратился именно к тебе, – проворчал сэр Лэнгрен.

– Я сумею оправдать оказанное доверие, – поклонился сэр Уилтон и покинул собеседника.

К сэру Лэнгрену тотчас же подскочил слуга, встречавший его на входе.

– Коньяку, да поживее, – велел старик, даже не взглянув на подошедшего.

– Сию минуту, сэр, – кивнул слуга и испарился.

Вскоре на столе сэра Лэнгрена уже стоял полный бокал замалийского коньяка, одного из лучших в мире. Старик знал цену хорошим напиткам и всегда предпочитал только сорта, созданные без применения магии.

Он небрежно отпил глоток, отставил бокал и устремил взгляд в пустоту – задумался. Сэр Лэнгрен часто впадал в забытье, ещё с детства. Порой из задумчивости его мог вывести лёгкий шорох, а порой и крик в самое ухо оставлял совершенно безучастным. С годами эта

привычка только усугубилась. В такие мгновения сэр Лэнгрен не только погружался в себя, но и освобождался от тягот и забот, коими в прочее время полнилась его голова.

В этот раз раздумья сэра Лэнгрена были прерваны самым неожиданным образом. Кто-то бесцеремонно тряс его за плечо.

– Сэр, очнитесь, сэр! – послышался крик над ухом старика. – Трактир горит, спасайтесь!

Сэр Лэнгрен недоумённо посмотрел на кричавшего. Затем перевёл взгляд на зал. Вокруг царил полный хаос. Посетители кричали, бранились, толкались и толпились у дверей. Каждый рвался поскорее выбраться наружу. В воздухе клубились струйки дыма.

Старик встал и, не говоря слуге ни слова, не замечая его стремлений помочь, быстро зашагал к выходу. Как ни странно, несмотря на давку, перед сэром Лэнгреном расступились почти сразу. Он без труда выбрался на улицу, отряхнулся и невозмутимо зашагал домой. Возгласы и оханья зевак, столпившихся у горящего здания, мешались с хрустом свежевыпавшего снега.

Стоило сэру Лэнгрену отойти от трактира, как он уже позабыл о том, что там произошло. Его занимали лишь мысли о недавней беседе. Когда речь шла о делах, из всех людей в Ганзалее сэру Уилтону старик доверял больше всех, или скорее, не доверял меньше, чем прочим своим исполнителям. Но сейчас, после такого заказа, даже в лучшем своём связном сэр Лэнгрен засомневался. Уж слишком крупную игру он затеял, слишком высоки ставки. Но если вдруг удастся, если вдруг сведения верны и сила Плетения в самом деле может даровать своему владельцу беспредельную власть над чужим разумом, тогда… тогда все прочие достижения сэра Лэнгрена в миг померкнут, а возможные барыши превзойдут все мыслимые и немыслимые размеры. Но пока то были лишь мечты, блаженные грёзы о том, чего может и не существует.

На пороге дома сэра Лэнгрена нагнал не кто иной, как его внук Арни. Ещё издали заслышав его окрики, старик тяжело вздохнул.

– Что на этот раз? – спросил сэр Лэнгрен, слегка повернув голову.

– Дедушка, дедушка… – Арни тяжело дышал. – С вами всё хорошо? Я слышал, слышал, что случилось в трактире. Вы целы?

– Как видишь, – устало ответил старик. – Что-то ещё? – он вошёл в дом и скинул плащ на спинку потёртого стула, стоящего недалеко от входа.

– Неужели, неужели вас совершенно не тревожит произошедшее? – удивился Арни.

– Тревожься я по таким пустякам, не прожил бы и половины своих лет, – ворчливо заметил сэр Лэнгрен. – Немного дыма и огня – ещё не конец света.

– Но как же… Ведь полыхало так, что дым был виден на другом конце города. Верно, от трактира осталось одно пепелище.

– Не выдумывай! – зло отмахнулся сэр Лэнгрен. – Когда я уходил, дыма было с высохший ручей.

– Клянусь, дедушка! Когда я прибежал туда, даже крыша пылала.

Сэр Лэнгрен недоверчиво поглядел на внука.

– Сходи, разузнай, что да как, – наконец велел он.

– Я мигом дедушка! – тут же воскликнул Арни и исчез.

Сэр Лэнгрен призадумался.

– Если трактир и правда сгорел дотла, это может не только ударить по общему делу, но ещё и сорвать мой заказ, – бормотал сэр Лэнгрен. – Надо бы прикрыть тылы, придумать пути отхода. Нет, сэр Уилтон мастер своего дела, в нём я не сомневаюсь. Но как быть с другими? Вдруг кто-то из этих дуралеев прятал бумаги в том же подвале, что сгорел вместе с дрянным трактиришкой. Вот тут-то и кроется главная загвоздка. Как же всё неудачно сошлось…

Сэр Лэнгрен поднялся на второй этаж, уселся за письменный стол и зажёг свечу в подсвечнике. Затем обмакнул перо в чернильницу и начал выводить буквы на куске пергамента.

Сэр Лэнгрен всегда писал неторопливо и размеренно. Почерк его был почти каллиграфическим, ведь в юности старик успел поработать писарем при дворе местного герцога. В те славные времена он ещё верил, что может быть полезен миру даже без магических задатков.

Миновал полдень. Небо заволокла сизая дымка, метель прекратилась, оставив после себя заснеженные одинокие улочки. На крышах чирикали воробьи, а под окнами горланили мальчишки. Сэр Лэнгрен тихо выругался, накинул плед на голову в надежде заглушить надоедливый гам и сосредоточиться на письме, но тщетно.

– Проклятые дети! – выругался он.

Сбросил плед, подошёл к окну и растворил ставни. Он уже хотел велеть детворе катиться к чертям, как вдруг увидел приближающийся к дому силуэт мужчины в сером неприметном плаще. Мало чьё общество настолько выводило сэра Лэнгрена из себя, как общество этого человека.

Мужчина называл себя Охотник. Никто из тех, с кем он имел дело никогда и не догадывался, почему мастер именует себя именно так. Первое, что приходило в голову – охотник за головами. Но за своё долгое пребывание в Ганзалее Охотник не пролил ни капли чужой крови. Другие полагали, он охотится в первую очередь за сведениями, но и те заблуждались.

Хотя, конечно, знал Охотник очень и очень немало. Но, в отличие от сэра Лэнгрена, владел знаниями совсем иного рода. Охотник многое мог рассказать о нравах жителей Ганзалея, об их пристрастиях, их тайных страхах и желаниях. Он словно читал людей как открытые книги, хотя на деле сила его была в другом. В чём же? Никто не ведал.

Меж тем загадочный незнакомец уже переступил порог дома сэра Лэнгрена. Он неким образом всегда чувствовал, когда хозяин дома нуждался в его услугах, и пусть старик никогда не радовался его визитам, он не мог не отдавать должного умениям мастера. Охотник мог с лёгкостью добыть сведения, о наличии которых порой не подозревал даже сам их владелец. Всякий, кто знал о нём, страшился его.

Стоило сэру Лэнгрену обернуться и зашагать к лестнице, как он увидел гостя. Как смог он преодолеть переднюю и дюжину ступеней за несколько мгновений для старика оставалось загадкой. Но он не первый день знал Охотника и уже давно перестал удивляться его странностям. Хозяину дома было довольно и того, что тот – не маг.

– Слышал, с вашим любимым трактиром случилось несчастье. Хоть знаю, это вам ни к чему, а всё же соболезную, – сказал гость вместо приветствия.

– Неужто весь город уже прознал о пожаре? – усмехнулся сэр Лэнгрен, остановившись на полпути к лестнице.

Охотник слегка кивнул.

– Даже если и так, к чему весь этот переполох? – проворчал старик.

– Ведь погибли люди, с десяток. Не каждый день такое происходит.

– Погибли люди? – брови сэра Лэнгрена поползли вверх.

– Так вы не знаете… – загадочно улыбнулся собеседник из-под капюшона. – Большинство тех, с кем вас связывало общее дело, сгорели заживо.

– Что?! – несвойственным ему тоном вскричал старик. – И сэр Уилтон..?

– Не тревожьтесь. Сэр Уилтон в полном порядке, он успел покинуть здание.

– Первая хорошая весть за сегодня, – сердито заметил сэр Лэнгрен.

– Но я здесь по иной причине, – напомнил гость.

– Догадываюсь… – сэр Лэнгрен хитро прищурился. – Когда бывало по-другому.

– Иначе вы бы не стали меня терпеть, – зловеще ухмыльнулся Охотник. – Но сперва потушите свет.

– Простите, что? – недоверчиво переспросил сэр Лэнгрен.

Он уже не раз был свидетелем чудачеств Охотника, но таких просьб старик от него ещё не слышал. Что больше всего выбивало хозяина дома из колеи, так это непредсказуемость гостя.

За годы сэр Лэнгрен привык, что люди вокруг всегда скучны, а стремления их очевидны, здесь же… здесь существо перед ним словно нарочно нарушало все мыслимые законы поведения.

Старик нехотя подошёл к столу и задул свечу. В комнате воцарился полумрак. Только у окна поблёскивал тусклый свет.

– Так-то лучше, – одобрил Охотник. – Только в темноте можно говорить о воистину важном… или запретном.

– Вы же сказали, что сэр Уилтон выжил, – как бы между прочим напомнил сэр Лэнгрен.

– Но даже ваш самый преданный союзник не сможет забраться так глубоко. Настолько, чтобы ни одна тайна аномалии не осталась собственностью одной лишь Академии.

– Разве ж без этих тайн моя затея обречена?

– Тайны Плетения для меня пока такая же загадка, как и для вас. Но если я преуспею в своих изысканиях, согласитесь, вам будет *полезно* узнать о том немедля.

– Сколько? – не церемонясь, спросил сэр Лэнгрен.

– Если вы о деньгах, то за своё участие я не возьму с вас ни кроны.

– С чего такая щедрость? – старик никогда не поверил бы, будто кто-то станет подставлять шею задарма.

– Плетение хранит нечто, чрезмерно меня интересующее. Мы с вами могли бы помочь друг другу.

– Даже если и так, каков ваш интерес помогать мне? Ведь куда проще откусить самый лакомый кусок, да исчезнуть.

– Без вашей помощи я вряд ли доберусь до аномалии.

– Верно ли мы с вами сознаём умения друг друга? – подивился старик.

– Если бы я хоть сколь-нибудь в том сомневался, меня бы здесь не было.

Сэр Лэнгрен слегка ухмыльнулся, мысленно отдав должное логике собеседника.

– Что вам нужно?

Охотник вновь улыбнулся. На этот раз довольно зловеще. Старик даже слегка побледнел.

– Ваш внук, кажется, собирался поступать в Академию…

– Да, но… – сэр Лэнгрен растерялся. – Причём здесь Арни?

– Его присутствие в стенах Академии могло бы здорово посодействовать нашей задумке.

– Я не желаю вмешивать в это своего внука, – неуверенно возразил сэр Лэнгрен.

С одной стороны, он не хотел подвергать Арни опасности. С другой, понимал – ставки слишком высоки, чтобы сбрасывать карты.

– С каких пор вы стали таким лицемером? – неожиданно фамильярно укорил старика собеседник.

– Не вам меня упрекать! – огрызнулся сэр Лэнгрен.

– Я всего лишь берегу то, что всего дороже – время, – невозмутимо отозвался Охотник. – Нет нужды тратить его на чувственные издержки.

– Справедливо, – нехотя согласился старик.

– Вернёмся к делу. Вы могли бы повлиять на своего внука, убедить его сделать маленький шаг, который приведёт нас к великим свершениям?

– Зависит от шага. Он слишком порядочен, чтобы по своей воле поступить дурно. Другое дело, наивен, как младенец.

– Нужно лишь, чтобы он впустил меня в Академию в должный час.

– А студенты Академии наверняка знают все лазейки… – понимающе протянул старик.

Охотник кивнул.

– Когда поступление? – сэр Лэнгрен невольно скривился.

– Оно уже проходит, – огорошил его собеседник. – Если ваш внук преуспеет, через десяток дней станет полноправным студентом Академии.

– Вот с чего вдруг он завёл разговор об этом гадюшнике, – прошипел старик.

– Вижу, вам кое-что известно, тем лучше, – одобрил Охотник. – Я пока займусь остальным.

– Об одном прошу… пусть руки Арни останутся чистыми, – тихо попросил сэр Лэнгрен.

– Не беспокойтесь. Никто и не заподозрит в случившемся вашего внука, – ответил Охотник. – Прощайте.

Старик слабо кивнул. Его мысли целиком утонули в раздумьях о грядущей затее. Гость же покинул сэра Лэнгрена, поплотнее натянул капюшон и скрылся в ближайшем переулке.

Глава 2. Таинственная незнакомка

Вернувшись домой, Арни тут же доложил о самочувствии деда папе. Вряд ли тому было интересно, но для приличия он всё же изредка интересовался здоровьем своего отца. В конце концов он же оставался его единственным прямым наследником, а у старика, полагал он, в закромах завалялось немало крон.

– Ты нарубил дров? – папа отвёл взор от свежей газеты.

– Да, папочка.

– А письма отнёс?

– Отнёс.

– А часы забрал?

– Часы? – сперва не понял Арни. – А, те, что с орнаментом?

– Те самые.

– Утром забегал. Сказали, будут готовы к вечеру.

– Не похоже на Карна, – с подозрением произнёс отец. – Он всегда выполнял работу в срок.

– У него брат умер. Когда я уходил, он сказал подмастерью, что завтра тому работать одному. А сам господин Карн должен быть на похоронах.

– Что-то в последнее время только о похоронах и слышу, не к добру это, – протянул отец. – Сходи-ка к матери. Передай, чтоб послала цветов в знак соболезнования.

– Ой, а нельзя ли чуть позже? – робко попросил Арни. – Мне нужно готовиться к экзамену в Академию.

– А… экзамен, ну давай, только не забудь. Не хватало ещё, чтобы нас сочли неотёсанными варварами. Значит, ты решился?

– Уже полгода как. Каждый день думаю о поступлении. Да и в учебниках столько интересного.

– Где ж ты взял учебники? – удивился отец.

– Да так… одолжил, – замялся Арни.

– Одолжил? У кого? – голос отца стал строже.

– У… у приятеля.

– Какого ещё приятеля? – нахмурился отец.

– Ты… ты его не знаешь, – Арни покраснел.

Отец поглядел на него настороженно.

– Что-то ты темнишь, сынишка.

– Говорю как на духу, – заверил его Арни, слегка дрогнув.

– Смотри у меня. Узнаю, что спутался с дрянными мальчишками, лично уши надеру, – пригрозил отец и уселся поудобнее в кресле, продолжив поглощать свою порцию печатного текста.

Арни меж тем ушмыгнул к себе. Ему не терпелось перечитать любимые абзацы и главы. Он очень надеялся, что его новый знакомец из Академии не ошибся и, зазубрив именно эти тексты, Арни сможет сдать самый сложный из вступительных экзаменов.

Лэнгрен младший познакомился со своим «приятелем» с пару дюжин дней назад, когда восхищённо разглядывал величественные позолоченные ворота Академии. Как же он мечтал однажды оказаться по ту сторону, стать полноправным студентом, ходить среди настоящих магов, вдыхать воздух тысячелетней истории, черпать знания из книг самой богатой и обширной библиотеки в государстве.

Почти каждый ребёнок его возраста страстно желал попасть в средоточие волшебства. Вот только принимали в Академию крайне неохотно. Обладать магическим даром с рождения – невелика заслуга. Ещё нужно было проявить себя достаточно усердным и послушным. Академия славилась не только традиционным подходом к обучению, но и сводом незыблемых устоев. Их нарушение приводило к немедленному отчислению провинившегося. Никаких исключений, кем бы ни были родственники учащегося. Такие правила во многом привились благодаря главенству уже упомянутого верховного чародея Гектуса. Тот, будучи человеком честолюбивым, довольно скоро подмял под себя, и не всегда законным образом, всех власти предержащих магов академии. За десяток лет правления он окончательно завладел учебным заведением и избавился от всех тайных недоброжелателей.

Но, невзирая на сомнительные приёмы, цели Гектуса включали в себя не одно лишь самовозвеличивание, но и процветание всей Академии, ведь это приносило верховному чародею ещё больше власти.

Арни же никогда не интересовался подковёрными играми. Для него Академия являлась неким чудесным оплотом, жемчужиной страны, а то и всего мира. Эта идея насаждалась долгие годы и в последнее десятилетие обрела безоговорочное господство.

И неспроста, Академия нуждалась в свежей крови, чтобы удерживать положение, не только внутри страны, но и среди союзных государств. Вдобавок, торговля зачарованными предметами приносила немалую прибыль, а покупали всегда те вещи, над которыми колдовали маги самого влиятельного учебного заведения.

Незнакомец сам подошёл к Арни, когда тот залюбовался величественной статуей пегаса недалеко от входа в сад Академии. Расспросил его о нём самом, о его интересе к обучению и о том, что ему известно о вступительных экзаменах. Арни признался, что знает очень немногое и изучил только то, о чём ему рассказывали непоступившие приятели. Незнакомец тут же заверил Лэнгрена младшего, что тем сведениям грош цена, затем достал из поясной сумки книгу и протянул Арни.

– Здесь ты найдёшь всё, что тебе нужно знать. Следуй пометкам.

Слова незнакомца отчего-то впечатлили наивного юнца, въелись в его голову и заставили поверить, что всё сказанное – чистейшая правда. В тот вечер Арни еле дождался, когда выдастся свободная минутка, и уединился с книгой.

Первые же строки поразили юного мага своей глубиной. Но как бы ему ни хотелось прочитать книгу целиком, он тут же вспомнил о напутствии своего нового «друга» и пролистал все страницы. На некоторых можно было встретить пометки на полях. Они-то и подсказали Лэнгрену младшему, на какие тексты стоит обратить особое внимание. И вот будущий студент уже который день пытливо изучал записи. С таким другом, думал Арни, не только поступать, но и учиться не страшно.

Так провёл он последние дни перед самым важным экзаменом в своей жизни. В окружении книг и тетрадок, мелко исписанных сухими фактами и робкими замечаниями молодого искателя знаний.

Хотя люд в Ганзалее жил трудолюбивый и праздной жизни чурался, всё же питейных и увеселительных заведений всегда хватало и здесь. Они нередко гнездились поближе к главной торговой площади, хотя порой гуляки натыкались на них и на окраине города. Само собой, заведения подостойнее без труда отвоевали себе места под солнцем, принудив кабаки поскромнее ютиться в бедных кварталах и собирать за своими столами одних лишь плутов, бродяг, да проходимцев. Приличные люди тоже порой гостили в средоточии порока, но местный колорит очень скоро отпугивал их одним своим видом. Задерживались только либо самые безрассудные, либо самые равнодушные к собственной судьбе.

В один из таких кабаков забрёл ввечеру накануне предстоящих событий тот, кто мог по праву считать себя пираньей в этом водоёме – Охотник. Мало кто в городе знал его в лицо, а ещё меньше людей по имени, да и те вряд ли могли поведать миру тайну незнакомца. Охотник никогда не сидел в одном месте дважды, но отчего-то стул, на который он, приходя клал глаз, всегда оставался свободным.

Вот и сейчас Охотник неторопливо проследовал к двухместному столику в тёмном углу и уселся на обшарпанный стул спиной к стене. Он никогда не мог отказать себе в удовольствии лицезреть чужие лица в разгар беседы, даже если и сам не принимал в ней участия. Мимика, интонация, тембр речи, жесты – всё это интересовало Охотника, вызывало лукавую улыбку на его лице. А уж крики, боль, исступлённая радость, вселенская печаль были для него самым лакомым блюдом.

Меж тем служащий принёс почтенному гостю полный стакан виски и на закуску тарелку мелко нарезанного сыра с плесенью. Он хорошо знал привычки и вкусы Охотника и всегда приносил заказ, не дожидаясь пока посетитель огласит его.

– Угодно ли чего-нибудь ещё, сэр? – поинтересовался служащий, слегка поклонившись. У него дрожали руки.

Охотник отмахнулся, дескать, ступай. Затем чинно пригубил излюбленный напиток, откусил кусочек сырного ломтика и устремил взор на оживлённую беседу двух захмелевших завсегдатаев.

Один из них с пеной у рта втолковывал другому некую «мудрую мысль». Но вот незадача, приятель попался бестолковейший, прописных истин уразуметь не мог. Вместо того, чтобы слушать, он устало закатывал глаза, да позёвывал.

«Какой огонь в глазах, сколько пылу, сколько веры в себя, – думал Охотник, с удовольствием наблюдая за говорившими. – А ведь весь этот дар прозябает на дне треснутых кружек да робких причитаний по ночам. Всё чтобы обожаемая своенравная жёнушка не услышала, не узнала. О да, он ведь и тогда уж простил её за отдёрганные вихры, простил не по доброте душевной, а потому как понимает – другая терпеть не станет. Тем и утешается. А здесь то в трактире, ух каков. Борец, вождь, император мысли, мысли, в кою сам не верит, а ведь как соловьем-то заливается, любо-дорого смотреть. И ведь не подозревает, что на деле лишь петухом ходит. Всегда забавляли такие персонажи. Нет, сами-то они пусты как дырявые ведра, но сколь же много в них потухшей жажды жизни, сколь много затаённой гордости… Да, чудной мир, чудные люди. Не зря я здесь остался. Даже приятель его и тот симпатичен, хотя он чуток поразумнее, да и жизни, той самой искрящейся, норовящей заполонить всё вокруг, в нём не так уж много. А ведь сидит и молчит, так ведь и слова поперёк не скажет, дурака валяет, и ведь не из страху же, не из страху, а просто от привычки. Люди привычки тоже по-своему интересны. Их окостенелый взгляд на мир порой беспредельно любопытен. Не своей новизной, ни в коей мере, он почти всегда обыден до нельзя. Тут прелесть в другом. Такие люди питаются постоянством, неизменностью окружения. Они будто и обрадовались бы, если б вдруг всё живое резко замерло, все движения исчезли, всё затвердело. Их главный источник жизни в потухшем её пламени, потухшем окончательно, да так, что, обрушь ты на него тысячи искр, всё одно не разгорится… Прекрасный образец».

Внезапно фигуру скучающего мужика заслонил невесть откуда взявшийся силуэт. Охотник поднял глаза и недоверчиво поглядел на подозрительную личность. А тот бесцеремонно уселся напротив. Внешний вид незваного собеседника ничуть не удивил Охотника. Обычные серые штаны, рубаха, утеплённый шерстью плащ и кожаные башмаки. Капюшон полностью скрывал лицо незнакомца. Разве что виднелось в поджатых губах тщательно скрываемое отвращение.

«Ни бродяга, ни нищий, ни наёмник, ни тёмный делец… кто же ты?» подумал Охотник. Вдруг по телу его пробежала дрожь. «Это уж ни в какие ворота не лезет! – озлился он. – С каких пор я боюсь всякого отребья?»

– Здесь занято. Извольте пересесть, сэр, – злобно бросил Охотник, ещё больше озлившись, услышав в своём голосе нотку робости.

– Как будто я так уж жажду сидеть здесь, да ещё в столь сомнительном обществе, – отозвался собеседник молодым женским голосом и, чуть отодвинув капюшон, устремил на Охотника хищный взгляд жгучих изумрудных глаз.

Того передёрнуло, отчего он потерял остатки терпения.

– Кто ты? – спросил Охотник, предприняв неимоверные усилия, чтобы успокоиться.

Впервые он встретил кого-то такого, кто так легко играл его чувствами.

– Что ты задумал? – вместо ответа спросила незнакомка.

Её голос, напротив, звучал, уверенно и невозмутимо.

– Не ждёшь же ты, что я буду отчитываться каждому встречному, – надменно усмехнулся Охотник.

Он уже полностью овладел собой и надел любимую цинично-насмешливую маску.

– Отнюдь. Вот только нарушать правила – тоже не лучшая мысль.

– Правила?.. – Охотника осенило. – Давно я не встречал себе подобных. Ведь ты… Ткач?

– Не льсти себе. Жнецы – изгои среди нас. И, по-хорошему, вас до́лжно уничтожать, как только вы встаёте на этот путь. Но да тогда почти никого не останется. Но знай, сделаешь хоть шаг за черту, рука моя не дрогнет.

– Если уж ты сама вмешалась… – осмысливал услышанное Охотник. – Значит, игра перешла на новый уровень. Плетение, безусловно, опасно, безмерно опасно… Но чтобы настолько, – он многозначительно посмотрел на собеседницу.

– Тебе довольно знать, что лезть в это дело не следует. По крайней мере, так, как намерен ты.

– Ума не приложу, откуда ты можешь знать о моих намерениях, – Охотник вновь насторожился.

– Хватит валять дурака. Ты прекрасно знаешь, о чём я, – таинственная незнакомка встала. – Я предупредила, прощай, – и, не добавив ни слова, не дожидаясь ответа, исчезла.

Охотник задумчиво наблюдал, как её силуэт исчез за дверьми кабака.

– Интригующе… – только и вымолвил он чуть погодя.

Так и не допив виски, он бросил на стол несколько крон и быстро зашагал к выходу. Но на полпути тихо выругался, вернулся, залпом допил остатки напитка и только затем наконец покинул заведение.

Нужно ли говорить, что встреча с незнакомкой оставила в его душе смятение и…– пусть сам бы он никогда не признался – страх.

– Спешка к добру не приведёт… но и медлить нельзя, – размышлял Охотник. – Патовая ситуация. Вмешаюсь чуть больше – она тут же спутает мне карты, позволю себе безмолвно наблюдать – упущу очень крупную рыбу. Теперь главное – старик и его наивный внучок, в них весь исход. Если они отыграют свою роль, как до́лжно, никто не помешает мне отломить кусок побольше. Остаётся только ждать…

Глава 3. Последний экзамен

Дни сэра Лэнгрена утекали, словно вода сквозь пальцы. Ещё никогда, кроме как в далёкой молодости, ему не приходилось столько топтать сапоги. В таком тонком деле он не мог позволить себе роскоши доверять кому бы то ни было, да и обсуждал свои похождения только шёпотом. Многие, верно, прокляли памятливость старика в те дни. Не забыл он и о тех, кому оказывал услуги годы назад. Один должок припомнился и спустя десятилетие.

Отчего же вдруг поднялся такой переполох? Очевидно, здесь каждый хлопотал в свой карман, но вот причины сильно разнились. Арни вдохновенно готовился к самому важному дню в своей жизни. Охотник обдумывал запасной план действий и изучал членов Академии, то и дело подходя к её ограждениям и наблюдая за толпами снующих студентов. Сам же сэр Лэнгрен из трёх кож вылез, чтобы обеспечить внуку поступление в средоточие того, что ненавидел всей душой. Само собой, делал он это в тайне от всех жителей Ганзалея и особенно от Арни. Знал ведь, сколь в глубине души горд внучок и насколько заупрямился бы, узнав о непрошенной помощи дедушки. Но Арни должен был поступить. Это не обсуждалось. Иного исхода не принял бы ни сэр Лэнгрен, ни его тайный безымянный союзник.

Вечером накануне главного экзамена внука старик вернулся домой и обессилено рухнул в кресло. Он даже не скинул плаща, до того вымотался. В руке его был зажат свёрнутый в свиток лист, густо исписанный мелким почерком. И не мудрено, ведь писал такой же пожилой представительный джентльмен, старый знакомый сэра Лэнгрена, его бывший напарник. В те славные времена сэр Лэнгрен ещё не мог позволить себе работать в одиночку, потому опирался на плечи единомышленников. Но с годами власть старика упрочилась, а желание делить добычу исчезло. В итоге он оброс нужными связями, средствами, знаниями и сделался единоправным мастером по сбору щекотливых сведений об окружающих.

А напарник… напарник за те же годы оброс жирком, что на теле, что на душе, и занялся совершенно иным делом. Но вот перед сэром Лэнгреном у него имелся должок и не отдать его – значило здорово испортить отношения с бывшим напарником и по совместительству не последним человеком в Ганзалее. Сэру Милдрену, так звали напарника старика, это было отнюдь не с руки, потому он безропотно, почти безропотно, исполнил просьбу деда Арни.

Дело обстояло так: сэр Лэнгрен пришёл к нему в полдень и, не докладываясь, тут же прошёл в кабинет сэра Милдрена. Тот, увидев гостя, сперва даже потерял дар речи. Опомнившись же, пригласил старого приятеля присесть и указал на стул для гостей, стоявший возле витринного шкафа с коллекцией изысканных напитков.

Сэр Лэнгрен кивнул, мешковато уселся на простейший деревянный стул и поведал о причине своего визита.

– Давно не виделись, Верн, – заметил сэр Лэнгрен, бегло оглядев кабинет старого знакомца.

– Слишком давно, Клир, слишком давно. Вот уж не чаял. Чем обязан?

– Дело есть, и очень срочное. Твой племянник всё ещё трудится в библиотечных чертогах Академии?

Такого вопроса сэр Милдрен не ожидал. Раньше его собеседник никогда не интересовался Академией, лишь проклинал.

– Ну чего ты так выпучил глаза? – проворчал сэр Лэнгрен.

Он и раньше позволял себе вольности в разговорах с сэром Милдреном, а сегодня ещё и время не терпело, оттого старик был особо раздражителен и едок в своих речах.

– Племянник твой – всё ещё архивариус?

– Всё ещё архивариус, – подтвердил ошеломлённый хозяин дома.

– Мне от него кое-что нужно, – сэр Лэнгрен положил перед собеседником чистый лист.

Сэр Милдрен сразу приметил особенность бумаги, такую ни с чем не спутаешь – из Академии, не иначе. Прямиком со стола главного писаря. Одна только бумага уже имела немалый вес, но вдобавок на ней блестела свежая печать его Пресвятейшества Гектуса. Как только гость сумел раздобыть такую ценность, оставалось для сэра Милдрена загадкой. Одно он знал наверняка – если уж сэр Лэнгрен приложил столько усилий, значит, дело и вправду очень серьёзное, быть может, серьёзнее, чем все прочие дела бывших напарников.

– Даже боюсь представить, что ты задумал, – с опаской произнёс сэр Милдрен.

– И хорошо, в противном случае тебя мучила бы бессонница несколько дней, а то и десятков дней к ряду, – желчно усмехнулся сэр Лэнгрен. – Чем меньше людей будут знать о предстоящем, тем лучше.

– Что же тебе угодно от моего племянника?

– Я знаю, что в Академию очень строгий отбор. Но ещё я знаю, что всякий год есть те, кто проходит его чисто символически. На деле же их принимают до того, как они напишут хоть строчку на первом экзамене. Я хочу, чтобы Арни стал одним из таких студентов. Пусть часть вступительных уже позади, неважно, он должен попасть. Это письмо… – сэр Лэнгрен кивнул на листок. – Всё, что нужно. Осталось только, чтоб написал его человек знающий. Тот, чей слог привычен глазам вышестоящих членов Академии.

Сэр Милдрен задумчиво покачал головой, осмысливая просьбу собеседника. Так провели они несколько минут в полной тишине. Наконец бывший напарник сэра Лэнгрена ответил.

– Коли просьба твоя лишь в этом, нет нужды беспокоить племянника. Я хорошо знаком с нормами письма в Академии. Благо, не раз имел дело с тамошними писарями по долгу службы.

– Ты уверен, что справишься? – беззлобно уточнил сэр Лэнгрен.

– Обижаешь, Клир. Сколько мы вместе проработали. Разве я хоть раз тебя подводил?

– Ни разу, – вынужден был согласиться сэр Лэнгрен.

– Значит, у тебя нет ни единой здравой причины не доверять мне, – сделал заключение хозяин дома. – Что я должен написать? За стиль и слог ручаюсь, но суть с тебя.

Сэр Лэнгрен кивнул и подробно разъяснил, что должно содержать в себе прошение. Сэр Милдрен меж тем вооружился перьевой ручкой, взял отдельный черновой лист и принялся писать под диктовку сэра Лэнгрена. Это был кропотливый и долгий труд, закончившийся только под самый вечер.

Сэр Милдрен дописал последнее слово одновременно с последней упавшей со лба каплей пота. Оглядев дело рук своих, он удовлетворённо улыбнулся и передал заполненную бумагу гостю. Тот устало протянул руку, убедился, что чернила достаточно подсохли, и свернул драгоценный документ свитком. Затем бережно спрятал его во внутренний карман плаща, наскоро попрощался с сэром Милдреном и отправился домой.

По пути старика одолели сомнения: а вдруг Верн ошибся, а вдруг бумаги будет недостаточно, а вдруг те, кто принимает решение, знают всех, кого положено пропустить без отбора и прочие мелкие «а вдруг». Они волновали сердце старика, заставляли обдумывать всё снова и снова. Но, чем больше он размышлял, тем больше горячился и проклинал всё на свете, ведь как хорошо ни был бы проработан план в теории, на деле всё могло пойти прахом от одной пустячной глупости.

Так он и заснул, с зажатым в руке драгоценным свитком. Солнце неторопливо скрылось за горизонтом, робко осветив заходящими лучами взволнованный происходящими событиями Ганзалей. Заполучил он в итоге больше или меньше, чем заслуживал, чем ожидал – кто знает. Мало ли, что могло прийти своевластному городу в ту долгую и тихую безлунную ночь на ум, какие думы он успел передумать за те часы, что был лишён благословения небесного светила.

Мгновения перед рассветом тянулись особенно долго. Словно небесная толща всячески оттягивала миг, когда славные жители славного города вновь откроют глаза и отправятся навстречу без сомнения важным и захватывающим приключениям, которые на деле сведутся к обыденному походу на службу, учёбу или на худой конец в затхлую питейную.

Да, до́лжно признать, невысокого был он мнения о своих жителях. Вряд ли город делил их так же, как люди делят друг друга меж собой. Он лицезрел полную картину, и от особливых достойных личностей дышалось Ганзалею отнюдь не легче.

Сэр Лэнгрен проснулся с первыми рассветными лучами, Арни часиком позже, Охотник – неведомо когда, а прочие жители… значения не имело. Старик начал утро как обычно, плеснув щедрую порцию ледяной воды себе в лицо. День предстоял не из лёгких. Арни проснулся с учебником в руках. Он мигом вылетел из-под одеяла, оделся и метнулся готовить себе завтрак. Отец, как всегда, сидел в кресле в обнимку с газетой. Мать ещё спозаранку ушла на службу. Она редко виделась с сыном и всё больше после работы. Но всякий раз, когда мама возвращалась домой, она угощала любимого сыночка свежей булочкой или куском клубничного пирога. Она трудилась в столовой при Академии и знала немало хороших людей в её стенах.

С тех пор как бедствие, порождённое Плетением, забрало несколько дорогих ей людей, матушка Арни заметно погрустнела, но продолжила исправно работать, а её выпечка по-прежнему превосходила даже самые смелые ожидания посетителей. Отец же лишился места совсем недавно и в последнее время либо сидел в обнимку с газетой в кресле, либо протирал штаны в ближайшем кабаке, больше ввечеру, почти никогда не проводил время на кухне и редко убирался по дому. Арни научился готовить будучи ещё ребёнком, ещё до того, как пошёл в школу. И вот, минуло десять лет, десять долгих и противоречивых лет обучения. Нравилось ли Лэнгрену младшему учиться? Возможно, но многие предметы казались юному мечтателю верхом беспросветной скуки. Спасали только история магии, животноведение, идеи культуры и астрономия. Вдобавок, выручали невинные беседы с одноклассниками.

С друзьями Арни всегда оставался простодушным и не раз стремился поведать им о своих планах. Но неизменно рассказы его были о разном. Ни одна мечта не могла надолго задержаться в его буйном и молодом воображении.

Сперва хотел Арни выдумать заклинание, которое исцеляло бы от любой болезни, затем пришла мысль изобрести механизм, работающий сам по себе, без внешней подзарядки. Ещё посещала его голову идея разработать новую систему мышления, избавить людей от необходимости испытывать страдания и волнения, а радость и довольство сделать постоянными спутниками жизни. Захаживали и иные шаловливые мыслишки, шустрыми крысятами шмыгающими по задворкам сознания молодого Лэнгрена, но на них у Арни не хватало ни времени, ни выдержки, чтобы даже как следует сформулировать, не говоря уж о том, чтобы рассказать. Хотя болтал он порой без умолку, и даже на самые пустопорожние темы. Иные разговоры вгоняли его в краску, но о таком ровесники Арни заговаривали редко, во многом потому, что дисциплина в школе внука сэра Лэнгрена была такой же строгой, как и в Академии, куда он так мечтал попасть.

Приоделся Арни как на парад. Нацепил лучшую нарядную бежевую рубашку со стильными пуговицами и того же цвета штаны. Затем сложил все нужные бумаги в кожаный портфельчик, спустился, накинул пальто и, коротко попрощавшись с отцом, вприпрыжку зашагал в сторону Академии.

Улицы пролетали словно в тревожном и волнующем сне. Вот Арни только вышел, или выбежал, из дома, а вот вдали уже замаячили сияющие башни столь чудного и желанного сооружения. У главных ворот толпились будущие студенты. В глазах каждого горел огонь надежды, надежды на светлое и великое будущее. Не все из них сдавали сегодня свой важнейший в жизни экзамен. Кто-то просто пришёл полюбоваться и проникнуться царящим здесь духом, витающим повсюду настроением. Внутрь святая святых пускали только после тщатель-

ной проверки. Всего по спискам к последнему экзамену допускалось триста десять человек, а на первый курс принимали только пятьдесят студентов.

Пока Арни ждал в очереди, его ладошки вспотели, да и сам он то и дело содрогался, не то от страха, не то от возбуждения, не то просто подражая остальным. Перед ним переминалась с ноги на ногу юная русоволосая девушка в вязаной кофте и юбке до пола. Заметив на себе любопытный взгляд Арни, девушка слегка улыбнулась. Лэнгрен младший смутился и невольно обернулся. За ним чинно стоял молодой человек чуть старше, одетый в бирюзовый костюм и чёрные сияющие ботинки. На запястьях его блестели позолоченные запонки, а на носу красовались круглые очки в посеребренной оправе. Он с интересом взглянул на Арни и одарил его снисходительным взором уверенного в себе человека.

«Этого уж наверняка возьмут», – подумал Арни и попытался улыбнуться в ответ. Улыбка вышла кривая и он, вновь смутившись, тут же перевёл взгляд на стены Академии. Они светились и переливались, словно в них теплилась жизнь. Входные двери были вырезаны из редкого крианского дуба. Его кора и изделия из неё отдавали едва заметной позолотой. В переднем дворе по обе стороны Академии цвели изумрудно ясени, кроны которых напоминали причудливых белкоподобных зверушек.

Лэнгрен младший чувствовал, как с каждой секундой волнение всё нарастало, и внутри, и снаружи. Наконец настал долгожданный миг – пришла его очередь. Суровые мужчина и женщина в красных мантиях холодно встретили Арни на входе. Спросили имя, фамилию, откуда родом и сверили полученные сведения с записями. Затем мужчина ещё раз оглядел юного мага и лишь тогда пропустил его. Женщина уже опрашивала молодого человека, внешний вид которого так поразил внука сэра Лэнгрена. Русоволосая девчушка уже успела усеменить в зал для сдачи. Дорога туда была всего одна, все прочие двери на время экзаменов запечатывались магией.

Арни шёл по коридору, поворачивая голову из стороны в сторону. Глаза разбегались от роскоши окружения. Переливающиеся потолки, величественные статуи пегасов, грифонов и архангелов в нишах, изящные гравюры, позолоченные орнаменты пролетающих мимо дверей – всё это обескураживало юного мага.

Среди всех красот мелькали и лица обитателей Академии. Одежды носили они самые разные. Встречались и маги в традиционных синих мантиях, и в необычных – красных и чёрных. Арни не знал, что означает каждый из цветов. Для него всё вокруг казалось слишком волшебным, чтобы обращать внимание на мелочи.

Пару раз Арни столкнулся и с посетителями. Они ходили в обычной одежде: плащах, пальто или куртках. На одного из них, пожилого представительного джентльмена, Арни невольно обратил особое внимание. И неспроста, ведь то был не кто иной, как сэр Лэнгрен, его дедушка.

Арни так опешил при виде деда, что на миг даже остолбенел.

– Дедушка… но как вы… здесь? – только и промолвил Арни.

Сэр Лэнгрен и сам немало смешался, хоть виду и не подал.

– Так вышло, – ответил он не то ворчливо, не то удивлённо. – Удачи тебе, прохиндей.

– Дедушка, как же… – Арни вконец потерялся.

Сэр Лэнгрен лишь махнул рукой и поскорее ушёл прочь, пока в голове внука не родились ещё какие-то неудобные вопросы. Арни покачал головой и вскоре вновь зашагал к своей заветной цели. Совсем скоро он уже сидел за партой, одной из сотни, сидел и дрожал в ожидании «счастья».

Новых «знакомцев» Арни в толпе сдающих не заметил. Да и смотрел не так уж внимательно, весь был поглощён тем, как некто в синей мантии за столиком перебирает листки.

Вскоре мужчина в мантии взял стопку бумаг в руки и раздал каждому из присутствующих по листку. Вот перед Лэнгреном младшим лёг чистый пергамент. Он недоумённо поглядел на

него, затем перевернул. На обратной стороне не было ни буквой, ни знаком больше. Лица учеников вокруг также выражали крайнее замешательство и опасения. Всякий будущий студент грезил о том, чтобы учиться в стенах Академии, но почти никто не считал себя достойным этой чести.

Когда все чистые листки очутились перед будущими студентами, экзаменатор особым образом щёлкнул пальцами и на пустых пергаментах проступили чернила. Арни взглянул на содержимое своего листа, затем соседского. Ни один вопрос не совпадал. Хотя Лэнгрен младший и не решился бы списывать, его здорово поразило происходящее.

Ручки с чернилами уже лежали рядом с работами. Арни глубоко вздохнул, взял пишущий прибор и принялся шевелить мозгами. Всего заданий было двадцать шесть. Часть на знания истории магии, другая на теоретические основы простейшего колдовства. За ними следовали вопросы на знание законов государства, связанных с магией, и напоследок – чего ученик ждёт от обучения и что намерен привнести своим пребыванием в Академии.

Такого вопроса Арни не ожидал. Несколько минут он глупо смотрел на него и лишь затем задумался над ответом.

«Чего же я жду от обучения?.. – размышлял он. – Просто хочу учиться, учиться владеть магией в самой лучшей Академии в мире, а взамен… взамен я готов посвятить изучению магии всю свою жизнь, отдать все свои силы, чтобы прославить Академию, открыть лучшие заклятия исцеления, будучи почётным её исследователем или магом».

Не придумав ничего лучше и правдивее, Арни так и написал. До конца оставалось ещё пятнадцать-двадцать минут, а выходить раньше не разрешалось. Остальные тоже не спешили покидать насиженные места. Но вот часы оттикали положенное время. Вернулся экзаменатор. Будущие студенты уже думали, что он захочет собрать работы и пододвинули их на угол стола, но он вновь сумел удивить их.

Мужчина в синей мантии слегка улыбнулся, опять прищёлкнул особым образом пальцами и всё, что написали молодые дарования, испарилось. Перед учащимися вновь лежали чистые листки.

– Прошу всех сложить пергамент на столике у входа в одну стопку. Академию покинете через задний двор, наш ученик будет ждать вас у зачарованной калитки, – сообщил маг и без дальнейших объяснений покинул аудиторию.

Вскоре самые смелые из присутствующих последовали указаниям мага, а за ними потянулись и остальные. Арни заметил среди смельчаков и того разодетого парня, стоявшего за ним в очереди при входе. Тот даже подмигнул Лэнгрену младшему, когда их взгляды встретились.

Арни невольно подмигнул в ответ, сам испугавшись своей смелости. Затем встал, подошёл к столу у входа, трепетно положил листок на стопку, дважды поправил его, хотел поправить третий, но передумал и поспешил к выходу.

Обратно он шёл совсем другими коридорами, с алмазными потолками и статуями демонических созданий. Лэнгрен младший миновал коридор чуть ли не бегом, до того неуютно себя чувствовал. Вскоре вдали замаячил свет, а за ним и задний двор Академии. Переступив порог створчатой двери, Арни вздохнул свободнее.

– Не самое спокойной утро, – услышал он голос справа и обернулся.

Так и есть, тот самый щёголь.

– Да уж, не самое, – поддакнул Арни.

Его собеседник усмехнулся, досыпал щепоть в свою трубку и поджёг её одной лишь силой мысли. Затем сделал первую затяжку.

– Не желаешь? – он любезно протянул трубку Арни.

Арни смутился и робко отказался.

– Как хочешь, – собеседник вновь усмехнулся, на это раз снисходительно, и сделал ещё одну затяжку.

Он вовсю наслаждался самим процессом, созерцая вылетающие изо рта кольца дыма.

– Неплохо они тут устроились, – продолжил молодой человек, лениво разглядывая окружение. – Здание с городскую ратушу и участок с деревню. А ведь начинали-то с затхлой комнатушки, да сборища десятка другого безумцев, безумцев в ту пору. Быстро всё переменилось, – собеседник задумчиво покачал головой и сделал ещё одну затяжку.

Затем посмотрел на Арни и протянул ему руку.

– Скретч, Скретч Алднер, – представился он.

– А-арни… Лэнг-грен, – Арни пожал протянутую руку, страшно робея.

– Лэнгрен? Знакомо. Кажется, я что-то слышал о твоём деде. Говорят, у него очень длинные руки и они не слишком-то чисты, – Скретч выразительно посмотрел на нового знакомца.

– Я… я не знаю. Но дедушка мой – хороший. Верно, клевещут.

– Преданность родным – качество достойное, – едко хохотнул Скретч. – Но слишком уж навязанное обществом… брось ты это, по-хорошему советую. До добра точно не доведёт.

– А что твои родные? – попытался перевести тему Арни.

– Мои родные, – брезгливо переговорил Скретч. – Родство между нами разве что кровное. Я давно отказался от их взглядов, идей, ценностей. Я сам по себе. Впрочем, я изредка позволяю отцу поддержать будущего великого деятеля горсткой крон. А что, не тратить же время на чёрный труд, когда ещё столько предстоит сделать. Жизнь, знаешь ли, не казённая, и никто мне взамен неё ничего не отсыплет. – Потому растрачивать её на всякие глупости – непозволительная роскошь. Разве не так?

– Наверное, – неуверенно согласился Арни. – Будущее и правда очень важно.

– Ещё бы, – присвистнул Скретч, удивившись и обрадовавшись единомышленнику. – Без людей будущего настоящее давно задохнулось бы от собственного же жирка. Мне ли, человеку, прожившему четверть века, об этом не знать.

– Поэтому ты и хочешь поступить в Академию? – спросил Арни.

Он понимал далеко не всё, но с жадностью впитывал мудрость старших, как и привык делать в жизни.

– Хочу поступить? – высокомерно переспросил Скретч. – Да я, считай, уже там. Отец обо всём позаботился. Единственный достойный поступок в жизни этого глупца. Телом уже за полтинник, а умом не старше восьмилетнего, вот ей богу, не лгу, – раздражённо махнул рукой Скретч и сделал ещё одну затяжку. – Да и как эти умники могут не принять меня? Примут, куда денутся. Сами же осознают, что теряют.

– Хорошо тебе… а я вот отнюдь не уверен, что попаду, – вздохнул Арни.

Скретч внимательно оглядел собеседника с головы до ног.

– Попадёшь, уж поверь, – заверил он Арни. – Я людей нюхом чую. Ты парень хоть и робкого десятка, а умишко-то в глазах мелькает, да и огонь горит. Далеко пойдёшь.

– Правда? – недоверчиво переспросил Арни.

– Правда, правда. Не будь я человеком, я даже сказал бы – истина, но, увы, у людей в подчинении одна лишь правда. Те, кто говорят, что познали истину, льстят себе безмерно. Глупцы, что с них взять.

– Я очень хотел бы поступить. Изучать магию в стенах, где учились великие…

Скретч поморщился.

– Великие… ну ты и сказанул. Да, половина из них – сплошь выдумка, а вторая так разукрашена, что поди под дюжиной слоёв краски различи хоть одну настоящую чёрточку. У этих, так называемых, великих, не один шкаф сотрясается от скелетов, никто из них не достиг вершины, не измазав руки по локоть в чужой крови и страданиях.

– Но ведь есть же ещё книги… – робко возразил Арни, но собеседник тут же перебил его.

– Не бери в голову, – отмахнулся Скретч. – Большая часть написанного – сплошь вздор, да нелепица, да ещё и устаревшая вдобавок. Нет, верю, есть в местной библиотеке пара-тройка приличных книжонок, ну да того ли ждёшь от Академии?

Скретч замолчал, продолжая покуривать трубку и думать о чём-то своём. Арни же переваривал свалившиеся на голову впечатления.

Так шли минуты. Наконец Скретч докурил, спрятал трубку в карман, поправил очки и зашагал к скучающему неподалёку студенту, которого поставили указывать новичкам, где спрятана зачарованная калитка. Арни, растерявшись, пошёл за ним. Когда она отворилась, перед ними в проходе предстала стена прозрачного тумана.

– Не боись, мелюзга, не укусит, – добродушно хохотнул студент.

Скретч смерил его взглядом полным презрения и, повыше задрав голову, прошёл на другую сторону. Арни ничего не оставалось, как последовать примеру старшего.

Скретч вышел на тротуар, Арни следом. Калитка закрылась, оставив за будущими студентами лишь гладкую каменную стену.

– Что… что теперь? – спросил Лэнгрен младший.

Скретч посмотрел на него удивлённо, словно соображая, кто к нему обращается, и пожал плечами.

– Я буду ждать свой экипаж, а ты… тебе виднее. Подвезти не предлагаю, уж извини, терпеть не могу ездить с другими в одной кибитке. Чужие лица отвлекают от раздумий.

– Что ж… тогда прощай.

– Вернее, до скорой встречи, – собеседники обменялись рукопожатиями.

Арни зашагал прочь.

Чувства в нём мешались, а мысли играли в чехарду. Приятен ли ему Скретч, и, если да, то чем? Неприятен ли? И, опять же, почему? Из-за его слов, взглядов, непомерного себялюбия? «Он явно знает, о чём говорит – думал Арни, – и наверняка стократ умнее меня, потому я его и не понимаю. Отчего же он так убеждён, что поступит? И, тем более, что поступлю я? Он говорил так уверенно. Будто заверял, что завтра утром взойдёт солнце или сегодня ночью на небе засияют звёзды, как и во всякую безоблачную ночь. Вечереет, надо бы зайти к Вельнерам, забрать письма для деда. Вельнеры… интересно, их сын будет поступать в Академию и, если да, пройдёт ли? Будет ли в следующем году столько же желающих? Или больше? Или меньше? А вступительные? Они же каждый год разные. Да и не мудрено, когда в руках все чудеса вселенной… Верно ли я ответил на вопрос об истории появления чудес Мертьера, о его школе магии? А вдруг напутал с колдовством древнего Таира?! Нет, кажется, нет. Вернусь домой, проверю. Боже, только бы взяли, всё отдам, только помоги».

Смятение Арни нарастало. Домой он вернулся весь взмокший. Хотел раздеться, но сев на табурет, тут же подскочил.

– Боже, как я мог забыть?!

И понёсся исполнять поручение сэра Лэнгрена.

Когда Арни с письмами добрался до дома деда, луна уже сияла не небосводе. Прежде чем войти, Арни дважды постучался. Вдруг дедушка спит. Но услышав покашливание и хриплый голос, Лэнгрен младший всё же переступил порог дома и поднялся на второй этаж.

Сэр Лэнгрен уютно устроился в своём любимом кресле, попивая остывший кофе и просматривая записи о должниках. Когда он увидел внука, лицо его на миг омрачило сомнение, вдруг тот догадался, зачем старик посещал Академию.

Но увидев на лице Арни привычную робкую любезную улыбку и ямочки на щеках, сэр Лэнгрен выдохнул.

– Доброго вечера, дедушка. Знаю, что поздно, но вы просили забрать эти письма, – Арни положил пачку конвертов на столик рядом с креслом деда.

– А… письма, – рассеяно кивнул сэр Лэнгрен. – Просил… спасибо.

– Да что вы дедушка, какие проблемы, всегда рад помочь, – нечасто Арни слышал от деда слова благодарности.

– Что-то ещё? – спросил старик, пересчитав письма.

– Нет, я… ничего, – замялся Арни.

– Так ступай, – сэр Лэнгрен махнул рукой в сторону лестницы. – Время позднее. Нечего шляться по улицам в такой темени.

– Да, верно, – кивнул Арни. – Прощайте.

Сэр Лэнгрен остался один. Вскоре сон сморил его, и он уснул, так и не прочитав свежих писем.

Тревожен был сон сэра Лэнгрена в ту ночь. Просыпался он не единожды, да и засыпал вновь отнюдь не сразу. Что же так беспокоило старика? Величие затеянного, степень опасности, впечатление, оставшееся после посещения ненавистной всему его сердцу Академии, встреча с внуком в её стенах или же всё вместе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.